

ЭРИК ЭГЕБЕРГ

Мотив пророка в русской лирике (краткий обзор)

Одно из самых известных стихотворений Евгения Евтушенко начинается словами: «Поэт в России — больше чем поэт.»¹ Потом, в последней строфе, автор отчетливее намекает на содержание этого «больше чем...»:

Нехватанность пророчеств не сулит...

Этим стихом, содержащим слово «пророчество», Евтушенко вписывается в давнюю традицию русской литературы, восходящую, по крайней мере, к переложениям псалмов в XVII веке. Тут можно с полным правом возразить, что Псалтырь и книги великих и малых пророков Библии — это две разные вещи. Однако, с другой стороны, среди псалмов есть и такие, которые по форме и содержанию вряд ли отличаются от пророчеств. Ярким примером является знаменитое «Властителям и судиям» Державина, в основу которого лег псалом 81-ый.

Эксплицитное же использование мотива пророка — частое явление лирики XIX века. Самым известным примером, несомненно, является «Пророк» Пушкина, хотя во многих отношениях это произведение стоит особняком. Дело в том, что встреча с Богом или с Его посланником не является излюбленной темой; вместо того поэты чаще всего сосредотачивают внимание или на самом пророчестве, или на ответе народа на слова и действия пророка. Таким образом, «Пророк» Лермонтова оказывается более типичным и тем самым и более влиятельным, нежели одноименное стихотворение Пушкина, хотя нельзя упускать из виду, что исключительно высокий престиж последнего позволяет ореол, окру-

¹ Об этом стихотворении см. Jan Brodal: «'Poët v Rossii — Bol'she čem Poët' or the Poet as Superman», *Полярный Вестник* № 7 (2004), стр. 49–55.

жающий его «Пророка», распространяться и на произведения последующих лириков.

Мотив пророка можно изучать с разных точек зрения. Во-первых, заслуживает внимания предмет произведения: происшествия в жизни пророка или само пророчество. Последний вариант самый распространенный, хотя два наиболее известных стихотворения — Пушкина и Лермонтова — относятся к первой категории. Но уже тут, в переходе от первого ко второму поэту, наблюдается возрастающее внимание к словам пророка; если у Пушкина упоминается лишь «глагол», то у Лермонтова речь идет о «любви и правды чистых ученьях». Пример Лермонтова дает о себе знать в стихотворениях о пророке Г. А. Мачтета и, в особенности, М. П. Розенгейма.

Во-вторых, нужно поближе посмотреть на тип пророчества в тех стихотворениях, в которых его содержание излагается. А пророчества, в большинстве своем, — двоякого рода. Род первый — осуждение грехов народа и в особенности их вождей («властителей и судей»), второй — предсказание. Впрочем, эти два рода часто сочетаются, а именно в тех случаях, в которых пророк говорит о тех бедах, которые обрушатся на народа, если он будет упорствовать в своих грехах. В русских стихотворениях о пророке преобладает первый момент, и одной из предпосылок такого положения дел является чисто языковой факт: со словом «пророк» рифмуется «порок», более того, эти два слова составляют особенно богатую рифму. Мы помним ее из «Пророка» Лермонтова:

С тех пор, как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока. (Строфа 1-ая.)

Но эту же рифму применяет уже Федор Глинка в своем «Призвании Исаии» (1822 г.):

Иди к народу, мой Пророк!
Вещай, труби слова Еговы!
Срывай с лукавых душ покровы

И громко обличай порок!
Иди к народу, мой Пророк! (Стихи 1–5.)

Затем мы будем встречать ее у целого ряда стихотворцев:

Не сокрушенья, не молитвы,
Мне нужен истины пророк, —
Мне нужен муж для смелой битвы,
Мне нужен молот на порок!

(М. П. Розенгейм: «Пророк», строфа 5-ая.)

Тогда–то громко помянет
Народ великого пророка,
Несчастный слезы оботрет,
Исчезнут зло и ложь порока.

(Г. А. Мачтет: «Пророк», строфа 3-ья, стихи 5–8.)

Устал я проклинать порок;
И что им истина, и что для них пророк!

(Д. С. Мережковский: «Пророк Иеремия»,
строфа 2-ая, стихи 4–5.)

В–третьих, напрашивается изучение стихотворений о пророке в свете той общественной ситуации, в которой они возникли. Уже упор на осуждении грешного народа и особенно сильных мира сего, содержащийся во множестве пророчеств Библии, дает обильный материал тому, кто отрицательно относится к современной ему социальной действительности, и ничего удивительного в том, что мотив пророка долгое время был тесно связан с «освободительным движением» в его крайней или более умеренной форме: Державин попал в немилость за «Властителям и судиям», Федор Глинка и Вильгельм Кюхельбекер (о котором ниже) стали декабристами, Пушкин признавал, что если бы он был в Петербурге 14–го декабря,

то и он «стал бы в ряды мятежников», Григорий Мачтет был исключен из гимназии и несколько лет находился в ссылке на севере России и в Сибири. Правда, Михаил Розенгейм был верно-подданным, дослужился до генеральского чина, что не помешало ему морализовать в адрес своих сограждан. Русские пороки были видны всем, спор же шел о мерах их искоренения.

Связь пророчества с современностью может выражаться по-разному. В стихотворении Кюхельбекера «Пророчество» (1822 г.) мы наблюдаем необычное решение этого вопроса, а именно непосредственное название тех современных событий, которые имеет в виду автор. Но в то же время Кюхельбекер придерживается словаря, восходящего как к Библии, так и к одам предыдущего века, что явствует уже из первой строфы:

Глагол Господень был ко мне
 За цепью гор на бреге Кира:
 «Ты дни влачишь в мертвящем сне
 В объятых леностного мира:
 На то ль тебе Я пламень дал
 И силу воздвигать народы? —
 Восстань, певец, пророк Свободы!
 Вспрянь, возвести, что Я вещал!

Затем следуют слова Бога о греческом восстании:

Никто — но Я воззвал Элладу;
 Железный разломил ярем...

и т. д. Заметим, что Кюхельбекер вместо «Греции» пишет «Элладу», тем самым поднимая язык на более высокий, подобающий Богу, стилистический уровень. На том же уровне мы будем находиться и в дальнейшем, когда вместо «Стамбула» мы прочитаем «Византию», вместо «Англии» «Альбион», но когда в стихотворении встретятся «греки» (а не «эллины»), «Османов грех» и даже название пелопоннесского города «Триполища», иносказание исчезнет, и мы вдруг очутимся на более низком уровне. Правда, с третьей строфы «я» означает не Бога, а «певца», но тем не менее чувствуется

стилистический разноречивой, вредный для стихотворения, к которому, впрочем, Пушкин относился резко критически.

Однако, решение Кюхельбекера — исключение, ибо, как правило, автор не вносит в свое произведение элементов, совершенно чуждых библейскому тексту. Зато он перекраивает этот текст для своих целей, усиливая некоторые его моменты и ослабляя другие. Таким образом, стихотворение работает силой аналогии; в нем сосуществуют два текста, один зримый, «поверхностный», и один скрытый, «глубинный», но тем не менее очутимый; случай с «якобинскими стихами», якобы обнаруженными у Державина, показывает, что и скрытый смысл без особого труда извлекается, и автор может быть наказан. Но не слишком строго, ибо текст Библии служит и отменной защитой: христианское государство не может подвергать цензуре Библию. «Царь Давид не был якобинцем,» — этим изречением Державин четко сформулировал положение дел.

Но библейские стиль и тематика охраняют автора только до известной черты. Переступая ее, он делает актуальную мишень своего осуждения черезчур однозначной, в особенности в таких случаях, в которых связь с легко узнаваемыми текстами Библии ослаблена. Поучительный пример представляет «Пророк» Пушкина, находившийся в кармане поэта, когда тот шел на свидание с Николаем I. В то время стихотворение, согласно С. А. Соболевскому, заканчивалось следующими явно обличительными стихами:

Восстань, восстань, пророк России,
 Позорной ризой облекись
 И с вервием вокруг смиренной выи
 К царю ... явись!²

² Правда, биограф Пушкина Ариадна Тыркова–Вильямс утверждает, что эти стихи «явно не пушкинские» (Жизнь Пушкина, т. 2. М. 1998, стр. 143). С этим мнением нетрудно согласиться, но главное не в подлинности каждого из приведенных Соболевским слов, а в том, что по всей вероятности имелось при Пушкине стихотворение с окончанием, по содержанию близким к вышеприведенным стихам. См. Д. Д. Благой: Творческий путь Пушкина (1813–1826), М. 1950, стр. 536–538.

Нам неизвестно, правда это или выдумка, но мы знаем, что в опубликованном виде (1828 г.) «Пророк» заканчивается менее вызывающими, более обобщенными стихами. Тут известную роль может играть то обстоятельство, что на аудиенции молодой государь сумел очаровать поэта, но важнее все-таки другое: Пушкин по опыту знал, где пролегает черта дозволенного.

В 1880–1890 гг. происходит коренная перемена в интеллектуальной истории России. Реализм в литературе, «революционные демократы» в общественном мнении теперь уступают место новым течениям, что не может не сказаться и на трактовке мотива пророка. Примечательно, что сейчас рифма «пророк — порок» теряет свою исключительную популярность. Кажется, она уже утратила и свою свежесть, износилась, как некогда «сладость — младость».³ Намек на это можно усмотреть в стихотворении Г. А. Шенгели «Моисей» (1918 г.), в котором «порок» выступает без своего «вечного спутника», который в довершение ко всему заменен неточной, режущей глаз рифмой:

Их пили павшие в пороках.

В теснинах, на горах высоких (Стихи 52–53.)

В «Пророке Иеремии» (1887 г.) Д. С. Мережковского старая рифма еще встречается, а в его же «Пророке Исаии» (1892 г.) ее уже нет. Но уже приведенное двустишие со знакомой рифмой интересно и своим содержанием. Усталость пророка — без Божьего призыва к действию — это новая черта, но черта как нельзя лучше соответствующая намечающемуся раннему, декадентскому символизму, главным провозвестником которого стал как раз Мережковский. И действительно, теперь содержание стихотворений о пророке заметно меняется. Правда, когда Мережковский пишет об Исаии, он отводит начальную часть произведения описанию Божьей кары, но в конечной части зазвучат утешительные слова:

³ См. Евгений Онегин, глава VI, строфа 44, стихи 5–6.

Мир, мир Моей земле! Кропите небеса,
 Отраду тихую весеннего покоя.
 Я к вам сойду, как дождь, как светлая роса
 Среди полуденного зноя. (Заключение.)

Приведенные строки из стихотворения Мережковского показывают, что поэты размышляют о судьбе народа в более широких рамках, чем постоянное бичевание пороков. Примечательно в связи с этим, что в этот период с его бурными общественными событиями стихи о Моисее, вожде народа, приобретают популярность; о нем пишут не только Шенгели, но и В. Я. Брюсов и В. Ф. Ходасевич. Те же события отражаются и в стихотворном творчестве И. А. Бунина, который во «Сне», где тема взята из книги пророка Даниила, пересказывает сон царя Навуходоносора о большом истукане и смене великих царств. Стихотворение написано во время русско-японской войны и выражает веру в несокрушимость России. (На сон Навуходоносора и его истолкование Даниилом намекает, с подобной целью, и Ф. И. Тютчев в своем стихотворении «Русская география», написанном в 1848 или 1849 г., т. е. в другое кризисное для России время.) Более пессимистические ноты звучат в стихотворении «Из книги пророка Исаии», написанном Буниным в 1918 г. и явно связанном с военными и революционными событиями:

Народ мой! На погибель
 Вели тебя твои поводыри! (Заключение.)

Книга Исаии дает материал и В. И. Василенко, который, ссылаясь на ее 21-ую главу, пишет короткое стихотворение (в 8 стихах), заканчивающееся строкой:

«За окном только ночь, только ночь!»

Здесь только год написания, 1983-ий, т. е. последний этап «эпохи застоя», позволяет усмотреть политическую подоплеку.

В-четвертых, стоит обращать внимание и на самый выбор пророков. В основном речь идет о личностях Библии, хотя для

Пушкина и Коран играет известную роль. На первом месте мы встречаем Исаию, в объемистой книге которого, по мнению богословов написанной по крайней мере двумя разными авторами, можно найти слова как порицания, так и утешения. Его имя встречается во многих заглавиях, далее, на мотив из 6-ой главы его книги обычно указывают, как на источник пушкинского «Пророка», хотя здесь все обстоит несколько сложнее — этим произведением Пушкин показывает, насколько он знаком со всей Библией.⁴

Если Исаия, а за ним Иеремия, особенно важны как источники пророчеств, переносимых в стихотворения, то другой пророк, у которого своей книги нет, важен как образец личности и жизненного пути пророка. Речь идет об Илии, которого уже в древности воспринимали как некий «архитип» пророка, о чем свидетельствуют упоминания о нем в евангелиях. В русской же лирике его образ наиболее ясно проступает в «Пророке» Лермонтова, но он ощутим и у тех, кто идет по стопам этого мятежного поэта. Потом, как мы уже видели, внимание к себе привлекает другой великий пророк — Моисей.

В-пятых, можно спросить: кто «на самом деле» тот пророк, который выступает во всех этих произведениях? На такой вопрос есть простой и четкий ответ: пророк — это сам поэт, как утверждает уже Евтушено в самом начале этого обзора. То же отождествление мы наблюдаем с наибольшей ясностью у Кюхельбекера:

Встань, певец, пророк Свободы!

Далее, сопоставление «Пророка» и «Поэта» («Пока не требует поэта») Пушкина выявляет столько параллелей, что позволено утверждать, что в обоих стихотворениях речь идет об одном и том же, а именно о божественном вдохновении, преображающем человека.

Но не всегда поэт и пророк совпадают; такое расхождение чаще всего наблюдается в стихотворениях, где описывается судьба

⁴ Более подробно об этом в моей статье «Пророк у Пушкина и Лермонтова», Евангельский текст в русской литературе XVIII-XIX вв., вып. 3, Петрозаводск 2001, стр. 163–170.

пророка. Таким образом, у Мачтета слово «пророк» можно заменить словом «революционер», скорее чем словами «поэт» или «певец»:

Сверкало солнце в небесах,
 Природа жизнью дышала...
 Толпа врагов его в цепях
 До места казни провожала.
 Богач и деспот ликовал,
 И с громкой злобой проклинал
 Пророка черни и кумира;
 Но льва бесстрашного смелей
 Был он пред казнью, пред могилой,
 Смущая диких палачей
 Нечеловеческою силой.

(«Пророк» (1875 г.), строфа 2-ая.)

А в «Раздумье» (1901 г.) Андрея Белого, посвященном памяти Владимира Соловьева, «пророк» явно означает «духовного вождя», будь тот поэтом, мыслителем или кем-то другим:

И взывает пророк, проходя сквозь туман.
 (Заключение.)

Вернемся к Евтушенко. Остается вопрос: как писать о пророке и пророчестве в государстве, в котором как слово «Бог», так и сам Бог попали в опалу? Ответ: надо Его заменить чем-то другим:

Сумею ли? Культуры не хватает...
 Нехватанность пророчеств не сулит...
 Но дух России надо мной витает
 И дерзновенно пробовать велит...

Заключительными стихами Евтушенко совершает то снижение диапазона, которого избегает Пушкин, выкинув из своего стихотворения «пророка России».

Summary: The prophet motif in Russian poetry (a short overview)

This article presents a brief overview of the prophet motif in Russian poetry, dealing with verse by Glinka, Pushkin, Lermontov, Merezhkovsky, Bunin, Evtushenko and others. Special attention is given to the possible correspondence between the Russian texts and their social environment, the selection of prophets for poetic treatment, and some formal traits of the poems discussed.

E-mail: Erik.Egeberg@hum.uit.no